

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Джон и сцена (прил. к Сов. культуре), -1990.-20 сент. (№38) - с.5.

Эстонский театр всегда отличался высокой степенью политизации. В туманные даже годы, когда сам термин «политический театр» не рекомендовалось прилагать к отечественной сцене, в Эстонии Калью Комиссаров ставил спектакли, которые язык просто не поворачивался идентифицировать по-другому.

19 ПРО ВЛАСТЬ

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ духовной жизни породила мощный всплеск постановок, не блещущих высоким качеством драматургической основы, но зато обогащенной проблемностью завоевавших широкую зрительскую аудиторию. Они являли собой своеобразное преломление митингов на ограниченное сценическое пространство и, как митинги, апеллировали не к разуму и не к духовности, а к вполне конкретному чувству — обиде. И ушли они со сцены, когда митинги ушли с площадей, предоставив решать обиды парламентариям, демократически избранной власти.

Само развитие общества, а оно в Эстонии идет чрезвычайно высокими темпами, требовало иного уровня художественного осмысления проблем. И главной, пожалуй, из них на сегодняшний день — проблемы власти.

Я слабо верю в случайности, особенно в случайности тиражированные, и ежели поставлены в небольшой промежуток времени в компактном эстонском театральном мире два спектакля о власти, то сам собой напрашивается вывод о социальной в них потребности.

Ярнуский театр «Эндла» поставил классическую пьесу Августа Стриндберга «Эрик XIV», неисполненную внутреннею трагизма, а в пьесе финна Тауно Юлирууси «Спальни», в тартуском «Ванемуйне» политическая трагедия второй половины века — вторжение войск стран Варшавского Договора в Чехословакию — интерпретируется через «спальные» разговоры Брежнева и Дубчека со своими женами. Спектакли эти различны во всем, кроме темы, а тема эта — недостойность правителя власти, его облекающей.

Сумасбродный Эрик, король Швеции (Маргус Оопкауп) обрекает свое окружение, страну на состояние постоянной напряженности в ожидании очередного безрассудства. Он ломает судьбы и отбирает жизни, попирая при этом свои же собственные законы. В постановке Прийта Педаяса Эрик — создатель кукольного мира, в котором он заставляет живых взрослых людей жить по правилам детских игр. Конечно, такое прочтение весьма выигранно, поскольку позволяет даже не до слишком искусственной аудитории довести мысль о пагубе для государства со стороны дурного вла-

стителя. Но и обедняет авторский замысел, ибо лишает самого героя права на собственную трагедию. А в том, что фигура Эрика трагична, можно не сомневаться, зная саму пьесу и тем более вспомнив великую театральную легенду — Михаила Чехова в этой роли. Лишив Эрика права на трагедию, режиссер тем более не может не отказаться в этом праве второстепенным персонажам. Лишь одному актеру — Яану Реккору удалось вырваться из концепции спектакля и Йорана Перссона, своего героя, вылепить объемно, причем так, что внутренняя трагедия выходца из низов становится движущей силой его поступков.

Сколько их возникало в разное время на исторической арене с ключами от государства в одной руке и со свинчаткой в другой. Деграция разумного политика под воздействием недоброкачественной среды стала полноправной параллельной линией развития спектакля, обусловив известную его глубину, ибо получила зримое воплощение мысль, что Дания (то бишь Швеция), конечно, тюрьма, но у каждого в душе своя Дания.

«Спальни» на обобщения и глубину не претендуют вовсе, но щедры зато эклектикой — в пьесе сочетаются на фоне грозных политических событий заурядный фельетон (когда дело касается Леонида Ильича, весьма, кстати, удачная роль известного эстонского актера Лембита Ээлмаэ) и неблестяще камеризированная драма в семье Александра Дубчека. Драматург ставил своей целью — и режиссер Аго-Эндрик Керге послушно за ним последовал — оценить события через личные разговоры и переживания их демиургов, но вышло, к сожалению, нечто иное — создается впечатление, что именно человеческие качества, не столько даже человеческие в полном смысле этого слова, а бытовые, что ли, качества героев определили политическое развитие. Славно, конечно, оценивать поражение Франции при Ватерлоо через насморг Наполеона, но, кажется, все меньше становится интерпретаторов подобного рода. Да, ведомо уже всем, покойный наш лидер интеллектуальной глубиной не страдал, но так же ведомо и то, что политик он был жесткий и беспощадный и слуга системе образцовый, так что, хотя и в радость публике повидать генерального секретаря ну уж совсем, поверьте, необремененным одеждами или же одарить Дубчека допытывальными симпатиями за элгантность, но уж разительно несопоставимым с этим действием слышится гул танков в ночной Праге. Не пафоса, конечно, хочется, но соразмерности события и его оценки.

Как и в жизни нашей, переход политического театра от митинговости к аналитичности плавным быть не может принципиально, поэтому, как ни оценивай названные спектакли, они образуют своеобразную веху на его пути. А поскольку зрительское признание они уже завоевали, свидетельством тому полные залы, что уж тут предьявлять вездливые претензии...

Марина ОЧАКОВСКАЯ.

ТАЛЛИНН.

● Лембит Ээлмаэ в роли Брежнева.